Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 398–414.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 398–414.
https://ama.sgu.ru/ru
Для цитирования: *Кац В.И.* Археологические детективы и заметки на полях в качестве гарнира // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 398–414.
For citation: *Katz V.I.* Archaeological detectives and marginal notes as a side dish // Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 398–414 (in Russian).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ В КАЧЕСТВЕ ГАРНИРА*

В.И. Кац†

I. Клад боспорских монет

Где-то весной, на третий год моего пребывания в Сибири, получил от своего бывшего научного руководителя, Фенины Яковлевны Коськe, которая к тому времени уже работала в Подмосковье, письмо, где сообщалось, что Московский Пединститут им. В.И. Ленина объявляет прием в аспирантуру по специальности «История Древнего мира», и рекомендацию – воспользоваться этой возможностью. Собрал и отправил в Москву все необходимые документы, в том числе и реферат, естественно, по керамическим клеймам. Получил вызов на сдачу приемных экзаменов.

И вот в начале сентября отправился в Москву. Здесь у Фенины Яковлевны встретился с Юрой Бабиновым[1], так же ее учеником, который подал документы на заочное отделение аспирантуры. Вместе отправились в канцелярию Института, а там нас переадресовали на кафедру Истории Древнего мира и Средних веков. Здесь нас ждал сюрприз. Оказалось, что на кафедре нет специалиста, который мог бы осуществлять руководство нашим обучением в аспирантуре и поэтому нам не навязчиво, но настоятельно, посоветовали забрать документы. Однако Фенина Яковлевна порекомендовала нам обратиться в Министерство Просвещения РСФСР.

Со столь высокими органами власти в дальнейшем мне приходилось сталкиваться еще пару раз, и во всех случаях походы туда заканчивались безрезультатно. Но на сей раз нам повезло. Женщина-инспектор отдела аспирантуры не только сочувственно отнеслась к нашим злоключениям, но и заявила, что в связи с тем, что институт не располагает кадрами для руководства аспирантами по объявленной дисциплине, два аспирантских места у него будут отобраны и пе-

---

* Первая часть воспоминаний В.И. Каца об учебе в СГУ, увлечении античной археологией и работе в 1959–1962 гг. учителем в школе в г. Мыски Кемеровской области опубликована в вып. 25 журнала «История и историческая память». Другая часть, посвященная его воспоминаниям о С.Ю. Монахове, – в сборнике «Монахов 70. И не только об этом... Саратов, 2022».

[1] Бабинов Юрий Александрович, 1940 года рождения, закончил истфак СГУ в 1960 г. После окончания университета работал в Херсонесском музее (Севастополь), затем в Севастопольском техническом университете. В 1993 г. защитил докторскую диссертацию в МГУ (доктор философских наук) *(ред.)*.

реданы в другой вуз. На выбор были предложены Ярославский пединститут и Московский Областной пединститут им. Н.К. Крупской. Естественно, мы выбрали последний. Так у доцента Юлии Семеновны Крушкол появились два внеплановых аспиранта.

Первый год обучения я в основном провел в Исторической библиотеке, рядом с которой жил, занимаясь подготовкой к кандидатским экзаменам. Летом же напросился в экспедицию, которую ежегодно организовывала Юлия Семеновна, занимавшаяся в те годы исследованием курганного могильника синдов в районе хутора Рассвет около Анапы[2].

Экспедиционный быт был налажен вполне прилично, чего нельзя было сказать об организации самой работы. Это была единственная на моей памяти экспедиция, где выкопанный грунт перемещали в корзинах, как это практикуется до настоящего времени в экспедициях, работающих на Ближнем Востоке. При этом один из студентов, а они были главной рабочей силой, насыпал корзину, а затем стоял, пока двое других доставляли ее на отвал. Затем положение менялось, уже отдыхали носильщики. Довольно малопродуктивная работа. Я поговорил с одним из выпускников, моим ровесником, Костей Соколом[3], с которым у меня установились приятельские отношения, и которого так же раздражала неразбериха. Мы обзавелись тремя корзинами, быстро наполняли их землей и бегом доставляли на отвал. Производительность явно выросла в два-три раза. С учетом этого мы теперь в перерыв отдыхали на десять минут больше остальных. Но подобное своеволие возмутило Юлию Семеновну и она зарубила нашу инициативу на корню. Все должны были начинать работу и отдыхать по свистку.

Становилось скучно, и я предложил Юлии Семеновне организовать разведки на прилегающей территории. Естественно, взял Костю и еще одного студента из Тулы, который, как и положено туляку, прихватил в экспедицию двустволку. Так что мы были под надежной охраной.

Утром в воскресенье двинулись в поход. Ближайшим пунктом на нашем маршруте было село Гай-Кадзор, населенное главным образом армянскими беженцами из Турции и их потомками. Контраст между двумя рядом расположенными поселениями был разительный. Когда мы покидали хутор, то практически у каждого дома на лавочке сидели женщины, лузгали семечки и обсуждали новости. В Гай-Кадзоре на улице не встретили ни одной женщины, но были группы мужчин, играющих в нарды. Подошли к одной из них и поинтересовались, не попадались ли при строительных работах в селе обломки древней керамики. Один из собеседников вспомнил, что весной, когда скрепер равнял обочину дороги, то им было вывернуто на поверхность большое количество черепков. Заложили шурф в указанном месте. Действительно скрепером был практически уничтожен склад средневековых пифосов, крупных глиняных бочек для хранения сыпучих и жидких продуктов.

---

[2] См.: Население архаической Синдики 2010 *(ред.)*.

[3] Курский археолог, преподаватель Курского педагогического института *(ред.)*.

Двинулись дальше. По дороге встретили пару курганов, видимо, ограбленных еще в древности. К вечеру спустились в живописную долину реки Сукко, по берегам которой располагалось одноименное поселение.

Пошел отыскивать директора школы, чтобы договориться о ночевке. Возвращаясь, увидел, что Костю окружила стая ребятишек. Человек он был общительный и умело извлекал у собеседников нужную информацию. Но здесь результатом оказались более реальные вещи. Когда я подошел, Костя протянул мне несколько явно древних медных монет. Прежде всего, меня удивила их сохранность. Обычно такие монеты от длительного пребывания в земле сильно коррозируют, и в лабораторных условиях приходится затрачивать много труда по их очистке, чтобы разобрать находящиеся на их поверхности изображения и надписи. В данном же случае монеты были идеальной сохранности, только покрытые благородной патиной. На одной из них удалось прочитать имя Митридата, которому предшествовала царская титулатура. Я не был тогда, не являюсь и сейчас, специалистом по нумизматике, но моих знаний хватило на то, чтобы отнести монеты к боспорской чеканке приблизительно рубежа нашей эры. Отсутствие же коррозии свидетельствовало о том, что, по всей видимости, монеты входили в состав клада и на протяжении двух тысячелетий были изолированы от влияния внешней среды. Спрашиваем одного из ребят, откуда у него эти монеты? Отвечает, что мать с виноградника принесла. С этого и начиналась детективная история.

Выяснилось, что за месяц до нашего появления звено виноградарей было отправлено на обработку молодого виноградника, находившегося в 2 км от села на южном склоне долины Сукко. На этом участке был разбит виноградный плантаж, т.е. осуществлена вспашка на глубину 80 см. Однако только в 1962 г. на поле были посажены виноградные чубуки, а через год возникла необходимость рыхления междурядий. В ходе этой работы одна из женщин заметила в земле вначале одну, а затем еще несколько монет. Позвала товарок и они не только осмотрели, но и перекопали территорию в радиусе 5–6 м от первой находки. В результате было собрано более сотни монет. Работа была проведена настолько основательно, что, когда мы посетили виноградник, не удалось обнаружить ни одной монеты. Правда, к тому времени междурядья уже заросли травой.

Такая тщательность, проявленная в ходе поиска монет, не случайна. За несколько лет до этого в Сукко был обнаружен клад византийских золотых и серебряных монет, и находчики первоначально полагали, что и в данном случае монеты изготовлены из драгоценных металлов. Однако, вернувшись домой, с помощью подручных инструментов, в первую очередь напильника или зубила, они убедились, что имеют дело с медью. Поэтому часть монет была оставлена в качестве сувениров, а большая отдана детям. В связи с появившейся информацией мы постепенно стали составлять список тех, кто в день находки находился на винограднике. Одновременно с этим начали подворный обход.

К счастью, коллекционеры еще не пронюхали о кладе, поэтому конкурентов у нас не было. Мы рассказывали о самих монетах, о ценности клада для исторической науки, и в результате владельцы практически во всех случаях передавали нам монеты. При этом никто даже не заикнулся о компенсации. Счастливые были времена.

Пришло время возвращаться. На обратном пути нам повстречался объездчик, у которого мы так же разжились интересной информацией. Расставшись с ним, прошли с полкилометра, и вдруг на дорогу с соседнего кукурузного поля выскочил заяц. Наш туляк не подкачал, с одного выстрела завалил косого. А через пару минут, услышав выстрел, прискакал и объездчик. Я ожидал неприятностей, так как сезон охоты открывался только через пару недель. Но он не только похвалил стрелка за меткость, но и помог разделать добычу. Мы возвращались из похода с триумфом, не только принесли несколько десятков монет, но и тушку зайца. Рядовые члены экспедиции особенно высоко оценили последнего.

В связи с тем, что не были охвачены все участники звена, принимавшие участие в зачистке клада, мы еще пару раз посетили Сукко. В ходе одного из этих походов произошел курьезный случай. Заявились мы в один из домов, где на пороге нас встретила хозяйка. Как только мы заговорили о монетах, она побледнела и задала странный вопрос: «Где стоит машина?». Оказалась, что она имела какое-то отношение к первому кладу. А тогда, узнав, что в Сукко обнаружен клад византийских монет, Юлия Семеновна привлекла для их поиска местную милицию. С ее подачи в Сукко стали появляться милицейские машины и увозить на допрос в Анапу тех, кто подозревался в сокрытии клада. Одной из таких подозреваемых и была наша хозяйка, у которой после посещения милиции вряд ли остались приятные впечатления. Да и соседи стали смотреть на нее подозрительно. Когда она узнала о цели нашего посещения, то с облегчением выдала нам несколько монет.

В результате бурной деятельности правоохранительных органов удалось реквизировать всего несколько монет из первого клада. Интересно, что один из жителей подарил Косте серебряную монету, выпущенную при императоре Иоанне Цимисхии, видимо, принадлежавшую к этому кладу.

В ходе наших походов я предложил Косте взять в качестве темы дипломной работы как раз этот боспорский клад. Он загорелся, но его энтузиазм был вскоре потушен Юлией Семеновной. Она потребовала отдать монеты, и о никакой дипломной работе говорить не пожелала. Костя сообщил, что монеты у меня. Где-то пару дней Юлия Семеновна ходила вокруг меня, как кот вокруг горячей каши, а затем выпалила: «Володя, отдавайте монеты. Вы собирали их под флагом нашей экспедиции. Если не отдадите, я откажусь от вашего руководства». Я вполне обоснованно заметил, что никаким флагом мы не пользовались, и опять попытался вернуться к костиной дипломной работе. Но все было безрезультатно. Мне по большому счету клад был ни к чему, заниматься античной нумизматикой не было ни времени, ни желания. Поэтому я принес чистый носок, в который ссыпал монеты, и передал

его Юлии Семеновне. В заключение инцидента она заявила, что больше не возьмет меня в экспедицию. На что я ответил, что и сам не поеду. Копать я научился еще студентом, а больше никаких навыков от пребывания в экспедиции не приобрел. Естественно, что отношения между нами после этого конфликта были, прямо скажем, прохладные, но к чести Юлии Семеновны сводить счеты со строптивым аспирантом она не стала.

Через год Ю.С. Крушкол на одной из конференций сделала доклад о находке клада, но прошло еще почти полтора десятилетия, прежде чем, уже после ее смерти, краткое описание 93 монет клада появилось в одном из выпусков журнала «Вестник древней истории»[4]. Сами монеты поступили в фонды Анапского музея. В статье кратко отмечены факты, связанные с обнаружением клада местными жителями Сукко, но о том, как он попал в руки Юлии Семеновны, нет ни слова. В дальнейшем клад неоднократно упоминался в работах, посвященных денежному обращению на Боспоре. Практически он был полностью переиздан в «Корпусе Боспорских кладов античных монет»[5]. Правда, за прошедшие со времени первой публикации десятилетия клад сильно усох, авторы «Корпуса» обнаружили в Анапском музее около 80 монет.

Монеты клада датируются концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. и прекрасно иллюстрируют как внешнеполитические, так и внутриполитические события, происходившие на Боспоре в этот промежуток времени. Однако, чтобы разобраться в них, нам необходимо отступить на два тысячелетия назад.

В конце II в. до н.э. на Ближнем Востоке происходит быстрое усиление Понтийского царства, во главе которого стоял молодой амбициозный правитель Митридат VI Евпатор. Он не только расширил свои владения в Малой Азии, но и включил в состав своей державы государства, расположенные в Северном Причерноморье (в первую очередь Херсонес Таврический и Боспорское царство), и поставил под контроль греческие полисы, расположенные в Колхиде.

Главной целью Митридата стало стремление задержать продвижение Рима на Восток. В 80–60-е гг. до н.э. он ведет три войны с Римом. В ходе третьей войны после поражения от Гнея Помпея, он с остатками войска через Колхиду отступает на Боспор. Митридат не собирался складывать оружия, хотя ресурсов для продолжения войны у него оставалось немного. Тем более, что его популярность среди местного греческого населения резко упала. Оно страдало от сбора налогов и рекрутских наборов, проводимых Митридатом в регионе. Этим и воспользовались римляне.

Их агенты сумели организовать восстание в столице Боспорского царства, Пантикапее. Восставшие окружили дворец, где находился Митридат. Окончательно его подкосило сообщение, что возглавил восстание его любимый сын Фарнак. Он не желал попасть в плен и, как многие другие правители, побежденные римлянами, пройти в ходе

---

[4] Крушкол 1978: 61–63.

[5] Абрамзон, Фролова 2007: 629–633.

триумфа в золотых цепях по улицам Рима. Поэтому Митридат принял яд. Но тот не подействовал, так как на протяжении десятилетий, боясь покушений, он принимал противоядия. Тогда Митридат попросил одного из своих телохранителей заколоть его мечом. Тот выполнил желание повелителя[6]. Фарнак же приказал забальзамировать труп отца и отправил его Помпею. В награду за предательство он был признан Римом в качестве царя Боспора.

На протяжении полутора десятилетий Фарнак был лоялен по отношению к Риму. Но, когда там началась борьба за власть между Цезарем и Помпеем, он решил воспользоваться удобным моментом и возвратить бывшие отцовские владения. С этой целью он появился на территории Понтийского царства (в Малой Азии) и первое время довольно успешно громил находившиеся здесь немногочисленные отряды римлян и их союзников. Оценив сложившуюся ситуацию, Цезарь, который в это время находился в Александрии, с двумя легионами совершил марш-бросок и в битве при Зале разгромил Фарнака. Именно после этой победы он отправил в Рим свое самое короткое донесение: «Пришел, увидел, победил».

Фарнак бежал с остатками войска через Синопу в Крым. Но за время его отсутствия один из военачальников, Асандр, захватил в Пантикапее власть. Когда Фарнак высадился в Феодосии с немногочисленным отрядом и двинулся к Пантикапею, его уже ждали. В состоявшемся сражении он был убит. Затем Асандр одержал победу над Митридатом Пергамским, назначенным Цезарем царем Боспора. С 49/48 г. до н.э. он чеканил свои золотые монеты с титулом «архонт». Кроме того, Асандр женился на Динамии, дочери Фарнака, узаконив тем самым свои права на боспорский трон, и после смерти Цезаря принял царский титул. Асандру удалось в ходе вновь начавшейся гражданской войны удачно лавировать между борющимися сторонами. В результате Октавиан Август подтвердил его царский титул.

Несмотря на то, что Асандр признал верховную власть Рима, влияние последнего на Боспор было еще не слишком заметным. Боспор сохранял все внешние черты самостоятельности, оставаясь, в большей степени, союзным с Римом эллинистическим царством. Видимо, римское влияние заметно усиливается после смерти Асандра в 21/20 г. до н.э. при Динамии, также получившей от Августа царский титул и право чеканки золотых статеров со своим портретом на аверсе. Большинство историков считает, что именно по распоряжению Динамии два самых крупных боспорских города были переименованы в честь ее благодетелей Августа и его ближайшего сподвижника Агриппы: Пантикапей стал Кесареей, а Фанагория – Агриппией.

---

[6] В 1820 г. А.С. Пушкин совершил путешествие по Крыму. Еще через десять лет в «Евгении Онегине» он вспоминает о знакомстве с Тавридой: «Воображенью край священный; / С Атридом спорил там Пилад, / Там закололся Митридат...». Как видим, Александр Сергеевич был не совсем точен: «не закололся», а был заколот.

Однако единоличное правление Динамии продолжалось недолго. В Пантикапее вскоре власть захватил некий Скрибоний, объявивший себя внуком Митридата Евпатора. Свои права на боспорский трон он подкрепил, как и его предшественник, женитьбой на Динамии.

Римляне не собирались мириться с ситуацией, сложившейся на Боспоре. Агриппа, находившийся в то время в Малой Азии, поручил «другу и союзнику Римского народа» царю Понта Полемону I навести на Боспоре порядок. Боспорцы убили Скрибония еще до появления Полемона, пытались оказать и ему сопротивление, но, узнав, что Агриппа достиг Синопы, намереваясь идти на них походом, сдались Полемону I. Он по уже сложившейся традиции первым делом женился на престарелой царице Динамии.

Кратковременный период правления Полемона (с 14 по 8 г. до н.э.) был временем наибольшей активности римлян в Северном Причерноморье. Как раз к этому периоду и относятся две серии самых ранних монет клада из Сукко. Это шесть экземпляров, на лицевой стороне которых имеется изображение головы Афродиты Урании в калафе. На оборотной стороне пяти монет – жезл и надпись ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ, а на одной монете – изображение носа корабля и надпись ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ. Около 8 г. до н.э. Полемон I начал боевые действия против меотских племен. Вступив в область племени аспургиан, занимавшего часть Таманского полуострова, он попал в засаду и погиб.

После смерти Полемона на Боспоре на рубеже нашей эры происходит династическая борьба, о которой нам мало что известно. К этому времени относится одна монета из клада, на лицевой стороне которой имеется изображение головы Аполлона в венке, на оборотной – треножник и монограмма BAE, принадлежащая неизвестному правителю Боспора.

В 15 г. с согласия Рима царем был провозглашен сын Динамии Аспург. Незадолго до этого он побывал в Риме, где не только получил статус «друга и союзника Римского народа», но и был официально усыновлен императором и с этого времени именовался Тиберий Юлий Аспург. Соответствуют такому статусу и две серии монет клада из Сукко, выпущенные при Аспурге. На них на аверсе помещены изображения римских императоров с соответствующими надписями: на 13 экземплярах, выпущенных при Тиберии, ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ; на 15 экземплярах, отчеканенных при Калигуле, ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. На оборотной стороне обеих серий монет изображение Аспурга в царской повязке при отсутствии его имени и титулатуры.

Аспург оказался не только тонким политиком и дипломатом, но и хорошим военачальником. При поддержке Рима ему удалось подчинить большинство варварских народов, проживавших в Крыму и Приазовье.

После его смерти в 37 г. единовластной правительницей Боспора стала его жена Гипепирия. В составе клада из Сукко представлены две монеты, выпущенные за год ее правления. По типу они резко отличаются от монет, чеканенных при Аспурге. На лицевой стороне находится бюст Гипепирии с царской повязкой на голове и надпись

ΒΑϹΙΛΙϹϹΗϹ ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩϹ. На оборотной стороне монет – голова Афродиты Урании. Какие-либо упоминания об императоре Калигуле, при котором выпускалась эта серия монет, отсутствуют.

Аналогичными по типу являются и монеты сына Гипепирии Митридата III, правившего Боспором шесть лет до 45 г. Они составляют самую многочисленную группу в кладе из Сукко – две трети. На аверсе монет изображен бюст Митридата с диадемой на голове и надписью ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ. На реверсе монет изображения палицы Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой, трезубца и лука в горите.

Эти две последние серии монет клада из Сукко явно свидетельствуют о попытке правителей Боспора в какой-то степени восстановить суверенитет государства. Этот шаг был в значительной степени спровоцирован самим Римом. После смерти Асандра Калигула решил передать управление Боспором Понтийскому царю Полемону II. И, хотя эта попытка не удалась, и Калигула был вынужден подтвердить царский титул Митридата III, но трещина в отношениях с Боспором появилась.

В результате, когда брат Митридата III Котис заявил свои претензии на Боспорский престол, то Рим оказал ему не только дипломатическую, но и военную поддержку. В ходе разразившейся междоусобной войны Митридат III был вынужден оставить Пантикапей и закрепиться на азиатской стороне Боспора. Именно здесь, где-то на территории Синдики он был окончательно разгромлен, бежал к царю аорсов Эвнону, к которому обратился с просьбой о содействии в примирении с римлянами. Эвнон же выдал им Митридата, и тот был отправлен в Рим.

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что тезаврация клада из Сукко была осуществлена в ходе римско-боспорской войны. Тем более, что основные ее события проходили как раз на той территории, где клад был спрятан.

Следовательно, и на сей раз я оказался в нужном месте и в нужное время. В противном случае большая часть собранных нами монет клада была бы утеряна, либо разошлась по коллекционерам, а в руки специалистов-нумизматов попали бы крохи. Мы же поработали неплохо. Через несколько лет Сукко посетил местный краевед А. Салов, которому удалось получить всего две монеты, явно относящиеся к этому кладу.

Правда, в середине 70-х гг. произошло новое его пополнение. Мой дипломник, заядлый нумизмат, собирался провести отпуск в окрестностях Анапы в селе Су-Псех. А так как само село расположено всего в нескольких километрах от Сукко, я посоветовал ему туда наведаться и попытаться выяснить, не имеются ли у его жителей в загашнике древние монеты. В результате ему удалось выкупить четыре монеты и доставить их в Саратов: монету Кесарии; Аспурга – отчеканена при Тиберии; Гипепирии и Митридата III. Все монеты явно относятся к кладу 1963 г., о чем свидетельствует их прекрасная сохранность и наличие аналогичных монет среди тех, которые были собраны нами.

II. Аспирантские и постаспирантские годы

А теперь настало время заметок на полях, посвященных аспирантским и постаспирантским годам. Это был период становления меня как специалиста в области керамической эпиграфики. Мне удалось познакомиться с банком данных о керамических клеймах, обнаруженных в Северном Причерноморье к тому времени. В ходе обработки крупной коллекции оттисков, хранившихся в фондах Херсонесского музея-заповедника, удалось овладеть методами первичной фиксации клейменого материала. Наконец, началась проверка на практике существовавших в то время методик анализа распределения во времени и пространстве керамических клейм.

Несомненно, огромную помощь в выполнении этих задач оказали продолжавшиеся все аспирантские годы тесные контакты с профессором МГУ Б.Н. Граковым.

Борис Николаевич (рис. 1) – личность поистине легендарная. Его феномен как ученого заключается в двуедином характере его научной деятельности. На протяжении первых трех десятилетий, после окончания им классического отделения историко-филологического факультета МГУ, главным объектом его исследований были керамические клейма эпохи классики и эллинизма. В дальнейшем произошел коренной поворот в тематике разрабатываемых Б.Н. Граковым проблем. Он занялся анализом памятников раннего железного века юга Восточной Европы.

Работа, проделанная Б.Н. Граковым по этим двум направлениям, оказалась настолько успешной, что уже в советский период специалисты стали считать его основателем двух российских научных школ: современной керамической эпиграфики и скифо-сарматской археологии.

Высокую оценку работам Б.Н. Гракова дали и его зарубежные коллеги. В 2010 г. в Афинах мне довелось принять участие в работе симпозиума, посвященного греческим амфорным клеймам. Во вступительном докладе один из организаторов конференции[7] назвал двух ученых, работы которых стали фундаментом современной керамической эпиграфики: американку Вирджинию Грейс и Бориса Николаевича Гракова. При этом, показательный факт – первая из них оставила более сотни монографий и статей, посвященных клейменому материалу, в то время как практически всем западным специалистам были известны всего две самые ранние работы Б.Н. Гракова по этой тематике[8]. Но именно эти работы, появившиеся еще в 20-е гг. XX в., стали определяющими при формировании основ современной керамической эпиграфики.

Обе они посвящены анализу двух крупных групп клейм из Северного Причерноморья, происхождение которых до того не было определено надежно. В обширной статье рассматривались энглифические (вдавленные) оттиски на горлах амфор, а в появившейся через три

---

[7] Ивон Гарлан *(ред.)*.

[8] Граков 1926; 1929.

года монографии – одна из серий астиномных клейм. Вполне аргументировано была проведена локализация этих оттисков: энглифические были отнесены Б.Н. Граковым к Гераклее Понтийской, астиномные – к Синопе.

Вместе с тем куда более значимой для дальнейшего развития керамической эпиграфики оказалась одна из глав монографии, посвященная детальному анализу тех методов, которые необходимо применять при разработке хронологии клейм. При этом Б.Н. Граков на практике показал возможности этих методов, разделил гераклейские и синопские клейма по нескольким последовательным хронологическим группам. В результате предложенная им методика применяется вплоть до настоящего времени. А получаемые узкие датировки позволяют использовать керамические клейма в качестве надежного материала для определения времени бытования тех комплексов, в составе которых они зафиксированы.

Незадолго до начала войны Б.Н. Граков защитил докторскую диссертацию. В ней практически впервые была реализована возможность использования клейменой керамической тары в качестве надежного источника для выяснения характерных черт античного керамического производства и внешней торговли.

Наконец, в 1943 г. по инициативе Б.Н. Гракова Ученый совет Института археологии принял решение финансировать работу по завершению и изданию Свода керамических клейм Северного Причерноморья. Идея его создания появилась еще в конце XIX в. Он должен был стать III томом Корпуса греческих надписей Северного Причерноморья (IOSPE III), работа над составлением которого была поручена крупнейшему специалисту в области греческой эпиграфики В.В. Латышеву.

Василий Васильевич довольно быстро завершил работу над составлением и подготовкой к печати первых двух томов Корпуса, содержащих лапидарные памятники. Однако у него явно душа не лежала к клеймам, этим малоинформативным, с его точки зрения, письменным документам. Поэтому, он рекомендовал привлечь к составлению III тома молодого приват-доцента Е.М. Придика. Тот с восторгом принял предложение, тем более что оно неплохо оплачивалось, и обещал завершить работу через несколько лет.

Тем не менее, Е.М. Придик переоценил свои возможности, он явно не учел объем материала, который необходимо было собрать. В результате для завершения работы ему не хватило не только нескольких лет, но и всей оставшейся жизни. Незадолго до смерти он передал в архив Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) обширную картотеку, включающую несколько десятков тысяч клейм. Для завершения работы над Сводом Б.Н. Гракову необходимо было сверить материалы картотеки, пополнить ее неучтенными Евгением Мартыновичем клеймами и подготовить к печати. Эта работа заняла у него более десятилетия.

Мне уже приходилось отмечать впечатляющие масштабы проведенной Борисом Николаевичем работы[9]. Основанием для этого заявления послужило знакомство с черновой рукописью Свода, хранящейся ныне в архиве Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета. О том, как она оказалась в Саратове, поговорим попозже. Сейчас же отметим, что при доведении Свода «до ума» Б.Н. Гракову пришлось оформить более 10000 карточек, в каждой из которых содержалась полная информация о клеймах, выполненных одним штампом. В результате в Свод было включено более 30 тысяч амфорных и черепичных оттисков, сгруппированных с учетом происхождения по разделам. Следует учитывать тот факт, что работа проводилась, как сейчас модно говорить, «на коленке». Даже обширное введение и вводные очерки перед каждым из разделов написаны от руки. Однако показательно, в последующие десятилетия, несмотря на то, что с появлением компьютеров существенно облегчилась работа по первичной обработке клейм и составлению списков оттисков, IOSPE III по охвату территории и объему включенного в Свод материала остается уникальным.

К сожалению, ни докторская диссертация Б.Н. Гракова, ни IOSPE III не появились в печати. Но их рукописи были хорошо известны российским специалистам, успешно продолжавшим работу по обозначенным Борисом Николаевичем направлениям в изучении керамических клейм. Период 50–80-х гг. прошлого века может заслуженно считаться «золотым веком» советской керамической эпиграфики.

Впервые с Борисом Николаевичем я встретился еще в студенческие годы. При сборе материала к дипломной работе возникла необходимость познакомиться с отчетами об археологических исследованиях Херсонеса, проводившихся здесь К.К. Косцюшко-Валюжиничем на протяжении двух десятилетий в конце XIX – начале XX в. Отчеты находились в архиве ЛОИА, куда я и отправился. Мне повезло. Карл Каземирович был одним из немногих современных ему корифеев античной археологии, который скрупулезно собирал обнаруженные в ходе раскопок керамические клейма. Так что поездка оказалась вполне успешной.

Естественно, что в ходе работы над клеймами, у меня возникли определенные затруднения, поэтому я решил на обратном пути получить консультацию у Б.Н. Гракова. Отловил его в старом здании истфака МГУ на Моховой у двери Музея Археологии, где Борис Николаевич проводил занятия. Прогуливаясь по коридору, он выслушал мою исповедь, а затем повел в музейную аудиторию. Здесь в конце обширного зала шкафами был огорожен уютный закуток с двумя рабочими столами. Открыв один из шкафов, на полках которого стояло десятка два объемных папок, он произнес: «Сюда надо было ехать, а не в Ленинград». Так я впервые увидел ставший уже в то время легендарным Свод керамических клейм. Но времени у меня не оставалось, и я только облизнулся. Хотя в дальнейшем понял, что, если бы

[9] Кац 2007: 89–91.

последовал совету Бориса Николаевича, то при отсутствии в то время у меня достаточных навыков работы с клеймами, просто утонул бы в материале.

Следующая встреча с Борисом Николаевичем состоялась через три с лишним года. Теперь я явился к нему в ранге аспиранта с просьбой разрешить работу со Сводом. О предшествующей встрече я не стал напоминать. Б.Н. Граков же, конечно, о ней просто забыл. Он явно колебался, но все же дал согласие. В дальнейшем я понял причину такого холодного приема. Она была в моем руководителе. Борис Николаевич не слишком высоко оценивал работы Юлии Семеновны в области керамической эпиграфики и, соответственно, с определенным подозрением отнесся к ее аспиранту. Такие довольно натянутые отношения продолжались пару недель, но в дальнейшем мы как-то разговорились, Борис Николаевич узнал, что я из Саратова, что учился у Ивана Васильевича Синицына, старого его приятеля. Вспомнил, как со студентами работал в фондах Краеведческого музея и проживал в студенческом общежитии, где их донимали клопы. И отношения у нас наладились.

Интересно было наблюдать за графиком работы Гракова. Обычно у него было два присутственных дня в неделю. Являлся он поутру и проводил два-три занятия. Сидя за шкафами и работая со Сводом, мне удалось прослушать лекционные курсы по «Скифам» и «Железному веку», появившиеся в печати значительно позже[10].

Самое интересное начиналось после завершения лекций. Появлялись посетители. В основном это были аспиранты и молодые преподаватели, которые приносили на сверку осуществленные ими переводы античных текстов, необходимых им для работы. Иногда, отпустив посетителя, Борис Николаевич с определенной долей хвастовства сообщал: «три слова не знал». Учитывая то, что было сверено две-три страницы текста, это заявление впечатляло.

В дальнейшем, после окончания занятий, начинали появляться студенты. И это были не только дипломники Бориса Николаевича, но зачастую и студенты с других кафедр. Начинались популярные у студентов-историков «граковские посиделки». Чем-то они напоминали экспедиционные вечерние встречи у костра. Несомненно, Б.Н. Граков скучал по экспедициям. Иногда зимой он мечтательно заявлял: «Вот наступит лето и отправимся мы с тобой копать Бельское городище». Это крупнейшее скифское поселение, где в те годы начал работы Б.А. Шрамко, особенно интересовало Бориса Николаевича.

Кроме того, он привлек меня к работе над Сводом на завершающей стадии его оформления перед сдачей в архив Института археологии. Когда работа была закончена, он посмотрел на гору папок с черновиками и задумчиво произнес: «А жалко ведь выбрасывать». Я не смог допустить такого святотатства, на следующий день принес объемистый рюкзак и переправил все черновики в Саратов, где они находятся и в настоящее время.

---

[10] Граков 1971; 1977.

Как всякий уважающий себя аспирант, я не представил в отведенный срок диссертацию. Но перед отъездом из Москвы договорился с Борисом Николаевичем, что он будет моим оппонентом на защите. Два года после окончания аспирантуры я проработал в Пединституте г. Борисоглебска, находящегося на полпути между Воронежем и Саратовом. Здесь закрывалось историческое отделение, и необходимо было довести до диплома два последних курса. А так как приходилось читать лекции и проводить семинарские занятия в основном по новой и новейшей истории, то много времени отнимала подготовка к ним, и работал я над диссертацией только урывками. Поэтому завершил ее уже в Саратове, когда вернулся на родную кафедру, благодаря содействию Э.К. Путныня, и где проработал более четырех десятилетий вплоть до выхода на пенсию.

Как это часто случалось и ранее с важными переменами в моей жизни, не обошлось без досадных накладок и при организации защиты диссертации. Когда она была готова, отправился в Москву. Все предварительные операции прошли как по маслу. Работа была принята к защите Диссертационным советом Московского областного Пединститута и даже был отпечатан автореферат. Звоню Борису Николаевичу и сообщаю, что привез работу. В ответ последовал вопрос: «Сколько там у тебя?». Сообщаю, что три сотни страниц, скромно умолчав, что еще две сотни составляет приложение. В ответ: «Сам ее и читай, привози автореферат».

Через пару дней дожидаюсь Бориса Николаевича в Музее Археологии, где у него должна была, как обычно, состояться лекция. Перед ее началом он передал мне несколько написанных от руки страниц – отзыв на диссертацию. Пока шли занятия, знакомлюсь с его содержанием. Форма стандартная. Вначале несколько абзацев за здравие, а затем критические замечания. В основном они правомерны, но одно вызвало недоумение.

В автореферате была дана оригинальная трактовка одного из пунктов закона о виноторговле, принятого на острове Фасос, а в ссылке указан номер документа по Своду надписей, обнаруженных в Греции. Не знаю, по какой причине, но Борис Николаевич перепутал Своды и решил, что эта надпись происходит из Причерноморья, снял с полки Корпус Латышева и обнаружил под указанным номером документ совершенно другого содержания. В результате, вежливо отметив, что диссертант, конечно, имеет право на собственную трактовку, но в данном случае он глубоко заблуждается, оппонент дал блестящий анализ Причерноморского документа.

«Да, явно не то» – произнес Борис Николаевич, почесав затылок. «Слушай, печатай, как есть. Жалко полторы страницы, а там все равно никто ни хрена не смыслит». Он имел в виду уважаемых членов Ученого Совета. И он знал, о чем говорил. На протяжении десятилетий сам был постоянным членом двух Диссертационных советов: Института археологии и истфака МГУ.

Действительно существовавшая тогда и сохранившаяся почти без изменений практика присуждения научных степеней крайне архаич-

на. По положению она должна быть результатом предварительной защиты. Мне приходилось участвовать в этой церемонии, как в качестве оппонента, так и простого слушателя. И ни в одном случае проходившая «защита» не соответствовала ее названию, так как на диссертанта никто не нападал.

Лояльных оппонентов обычно подбирал руководитель диссертанта. В целях создания видимости дискуссии он же советовал последнему раздать удобные для него вопросы группе поддержки. В результате все шло по накатанной колее и заканчивалось успешно. Правда, иногда, но крайне редко, происходили сбои и диссертант не получал необходимого количества положительных голосов членов Совета. Однако лишь в единичных случаях причиной было низкое качество работы, чаще отрицательная оценка была результатом каких-либо подковерных игр.

Пожалуй, наиболее резонансным примером по разделу керамической эпиграфики стала защита докторской диссертации несомненного лидера в изучении керамических клейм после смерти Б.Н. Гракова – И.Б. Брашинского.

Он решил, с учетом вновь появившегося клейменого материала и разработок в области локализации и хронологии отдельных групп оттисков, продолжить начатый Б.Н. Граковым анализ распределения клейм во времени и пространстве теперь уже на территории всего Причерноморья. Результаты проделанной работы были оформлены И.Б. Брашинским (рис. 2) в виде докторской диссертации. Но при предварительном обсуждении на секторе Античной археологии ИА было высказано большое число критических замечаний. В основном они сводились к тому, что характеризуя причерноморскую внешнюю торговлю, автор основной упор делает на анализ амфорного материала и, в первую очередь, клейм. По мнению оппонентов в диссертации практически ничего не говорится об импорте других видов керамики, стеклянных изделий, бус и даже дерева. И.Б. Брашинский пытался объяснить, что в отличие от всех перечисленных товаров в настоящее время только статистический анализ распределения именно клейменых амфор, в которых поставлялись на рынки вино и оливковое масло, позволяет выяснить такие стороны внешней торговли, как объем и динамика импорта. Но эти заявления оказались «гласом вопиющего в пустыне», диссертацию без доработки не рекомендовали к защите.

Если бы главной целью И.Б. Брашинского было получение искомой докторской степени, то, безусловно, он вставил бы несколько абзацев о «бусах и дереве», с общими фразами и ссылками на труды оппонентов. Но Иосиф Бениаминович, обладавший достаточно жестким и независимым характером, поступил иначе. Он положил практически готовую рукопись в стол и не в фигуральном, а в прямом смысле – после его смерти она была обнаружена мною в одном из ящиков его стола в Античном секторе и передана в архив ИИМКа.

Сам же И.Б. Брашинский занялся написанием практически новой диссертационной работы, названной им «Методы исследования античной торговли». Труд должен был стать не только развернутым от-

ветом на критику, прозвучавшую при обсуждении первого варианта диссертации, но и методической основой для дальнейшей работы по анализу клейменого материала.

На сей раз диссертация была допущена к защите, которая состоялась в Институте археологии в Москве. Оппоненты и все выступавшие в прениях дали положительную оценку проделанной работе. Правда, было зачитано и несколько отрицательных отзывов, появление которых вполне понятно, учитывая новаторский характер диссертации. Когда были объявлены результаты голосования, присутствующие были крайне удивлены, а некоторые и возмущены – диссертация была забаллотирована. Говорят, что некоторые члены Ученого совета в знак протеста подали заявления о выходе из его состава.

В дальнейшем мне приходилось встречаться с И.Б. Брашинским. Вел он себя как обычно, но видимо травма, нанесенная неудачной защитой, имела место. Вскоре он скоропостижно скончался. К чести его друзей и в первую очередь А.Н. Щеглова, следует отметить, что проваленная диссертация их стараниями была опубликована отдельной монографией[11].

Моя защита не была столь драматичной, но без приключений не обошлось. Для того, чтобы она состоялась, в состав Ученого Совета необходимо было ввести узкого специалиста. Была и удачная кандидатура – Ираида Борисовна Зеест, защитившая незадолго до этого докторскую диссертацию по керамической таре Боспора. Однако по так и оставшейся для меня непонятной причине, ВАК не утвердил это ходатайство. Пришлось воспользоваться другим вариантом.

За годы работы в Борисоглебске у меня сложились добрые отношения с заведующим кафедрой Истории древнего мира Воронежского университета А.И. Немировским. В один из летних сезонов он даже доверил мне руководство археологической практикой группы воронежских студентов в Западном Крыму на раскопках скифского укрепления Тарпанчи.

Вообще, Александр Иосифович был одним из самых оригинальных людей, с которыми мне приходилось общаться. В научных кругах он был хорошо известен своими капитальными работами по истории раннего Рима. Любители поэзии высоко оценили его поэтические сборники. Но особой популярностью пользовались его художественные произведения на темы древней истории. По данным все знающего Интернета на начало нашего столетия было издано более шести миллионов экземпляров его книг.

Позвонил в Воронеж и сообщил о своих злоключениях. В ответ последовало предложение организовать защиту в Воронежском университете. Прошла она стандартно, хотя и не принесла полного удовлетворения, тем более, что на защиту не смог приехать Б.Н. Граков. Однако полагаю, что его отзыв оказал положительное влияние на утверждение решения Ученого Совета в ВАКе.

---

[11] Брашинский 1984.

Итак, закончился мой период ученичества и вхождения в профессию. Следующие десятилетия прошли однотипно: аудиторные занятия сменялись ежегодно проводимой археологической практикой. Вот здесь-то мне и пригодились те навыки, которые я приобрел еще в Сибири в ходе походов со школьниками.

Литература/References

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007. Корпус Боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь [*Abramzon M.G., Frolova N.A.* 2007. Korpus Bosporskikh kladov antichnykh monet. Simferopol'; Kerch'].

Брашинский И.Б. 1984. Методы исследования античной торговли. Л. [*Brashinskiy I.B.* 1984. Metody issledovaniya antichnoy torgovli. Leningrad].

Граков Б.Н. 1926. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды ГИМ. Вып. 1. С. 165–206 [*Grakov B.N.* 1926. Englificheskie kleyma na gorlakh nekotorykh ellinisticheskikh ostrodonnykh amfor // Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. No. 1. P. 165–206].

Граков Б.Н. 1929. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М. [*Grakov B.N.* 1929. Drevnegrecheskie kleyma s imenami astinomov. Moskva].

Граков Б.Н. 1971. Скифы. Научно-популярный очерк. М. [*Grakov B.N.* 1971. Skify. Nauchno-populyarnyy ocherk. Moskva].

Граков Б.Н. 1977. Ранний железный век. М. [*Grakov B.N.* 1977. Ranniy zheleznyy vek. Moskva].

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Т. 18. Симферополь; Керчь. С. 89–91 [*Kats V.I.* 2007. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) // Bosporskie issledovaniya. Vol. 18. Simferopol'; Kerch'. P. 89–91].

Крушкол Ю.С. 1978. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из поселения Сукко Анапского района // ВДИ. № 4. С. 61–63 [*Krushkol Yu.S.* 1978. Klad bronzovykh monet vremeni Mitridata VIII iz poseleniya Sukko Anapskogo rayona // Vestnik drevney istorii. No. 4. P. 61–63].

Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет 2010 // Некрополи Черноморья III / А.А. Малышев (ред.). М. [Naselenie arkhaicheskoy Sindiki. Po materialam nekropolya u khutora Rassvet 2010 // Nekropoli Chernomor'ya III / A.A. Malyshev (red.). Moskva].

Рис. 1. Б.Н. Граков

Рис. 2. И.Б. Брашинский